

АЛИНА АРКАДИ

18+

Простые
СЛОЖНОСТИ

Просто о сложном

Алина Аркади

Простые сложности

«Автор»

2022

Аркади А.

Простые сложности / А. Аркади — «Автор», 2022 — (Просто о сложном)

У неё за плечами развод, а будущее страшит неизвестностью и туманными перспективами. У него - разрушенная жизнь и нежелание ввязываться во что-то серьёзное и глубокое. Но, возможно, их побег от самих себя лишь движение навстречу друг другу, а надуманные сложности невероятно просты? Желаемого достичь просто, стоит только захотеть...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алина Аркади

Простые сложности

Глава 1

Нина

Сегодня ужасный день. Нет, не так – омерзительный. Начавшийся пролитым кофе на брюки и закончившийся заседанием суда, на котором я официально стала разведённой женщиной. Через десять дней решение вступит в силу, и на четырнадцатой странице паспорта появится штамп, подтверждающий мою свободу. Но главное сделано: Орехова станет Савёловой, вернув себе прошлую жизнь.

Единственная радость прямо сейчас скачет рядом, крепко сжимая мою ладонь. Егор пока не понял, что наш папа стал воскресным, с редкими посещениями и мизерной помощью. Вряд ли сын вообще будет страдать по нему, привыкший к постоянным отлучкам и появлениям отца поздним вечером, когда уже спит.

– Мам, купишь мишек Барни? – Сладкоежка не может пройти мимо магазина, чтобы не встрясти какую-нибудь вкусняшку.

– Куплю.

Заходим в мини-маркет, бродим минут десять по рядам. Кроме сладкого нужны и нормальные продукты. Вспоминаю, что не обговорили с Яной меню на ужин, поэтому беру все на своё усмотрение. Сестра будет не против. Она никогда не против. До сих пор терпит меня в своей квартире только по причине нежелания стоять у плиты и заниматься домашними делами, да и попробуй угоди двум мальчишкам с непростыми запросами.

Медленно идём в сторону дома. Егор успевает измерить все попадающиеся ему по пути лужи. Весело прыгает и заляпывает штаны. Пусть радуется. Хотела бы я сейчас быть хоть на треть счастливой, как сын. С трудом отрываю его от интересного занятия и тащу на третий этаж, в квартиру, которая вот уже месяц является нашим домом.

– Привет, пакеты возьми, – вручаю сестре продукты, снимаю обувь и ищу под слоем грязи своего сына. Даже лицо испачкано, не говоря уже обо всём остальном.

– Как прошло?

– Нормально прошло, – топаю в нашу с Егором комнату за сменной одеждой.

– Нин, хватит молчать, – таскается хвостиком следом.

Неугомонная младшая сестра иногда кажется мне старшей. Постоянно учит, осыпает наставлениями и советами. Раньше нужно было слушать, обращать внимание, когда люди рассказывали о похождениях моего мужа. Сейчас поздно.

– Нас развели. Всё.

– А алименты? А иск по разделу имущества? – не унимается, начинает раздражать.

– Юрочка на правах генерального директора своей небольшой фирмы назначил себе заработную плату в пятьдесят тысяч рублей. Посчитай – двадцать пять процентов на помощь сыну.

– Двенадцать пятьсот? Ты серьёзно? Нин, это ненормально.

Переодевшись, иду на кухню, чтобы взяться за приготовление ужина. Егор с Мишкой возьмётся в детской: слышны визги, а значит, мальчишки снова дерутся из-за какой-то игрушки. Яна идёт следом. Садится за стол, пока я разбираю продукты.

– Знаю, но, увы, ничего сделать не могу, – развожу руками. – Вот так, Янка, двенадцать тысяч, и ни в чём себе не отказывайте. Кушайте – не обляпайтесь, как говорится. – К глазам снова подступают слёзы от обиды, непонимания и жалости к самой себе.

– Так, ладно. А имущество?

– Пока было предварительное слушание, на котором моему драгоценному мужу дали понять: не сможет договориться, предложив отступные, будем пилить его фирму. Дом он заблаговременно переписал на мамочку, поэтому там мне ничего не светит. А вот за остальное можно побороться.

– Требования выдвинула?

– Да, – улыбаюсь, – пять миллионов и машину. Мою машину, которую этот козёл нагло отобрал. Если согласится, смогу нам с Егоркой купить квартиру, нет – превращу его жизнь в ад, вставляя палки в колёса. Если войду в его дело, он посрать без моего ведома не сможет, к тому же буду в курсе всех дел и финансовых операций, а прибыль будет делиться пополам.

– Он согласился?

– Ага, – фыркаю, – предложил забрать иск и только после этого пообещал выполнить все мои требования.

– Нин, ты же не заберёшь? Да? – Янка подсакивает. – Ты же знаешь, что иск на раздел имущества можно подать только один раз!

– Знаю, успокойся. Именно поэтому требую гарантий: подписываем документы у нотариуса о передаче денег и автомобиля, и потом я забираю иск. Нет – пусть валит ко всем чертям.

Даже не знаю, как я решилась на подобного рода ультиматум. Юра всегда мастерски умел меня придавить, переманить на свою сторону, не оспаривая решений. Вот и сейчас выбрал привычную тактику, только не взял в расчёт, что обиженная и оскорблённая женщина проявит характер, не пойдёт на уступки, начнёт настаивать на своём. У меня есть трёхлетний ребёнок, за которого я несу ответственность. Уступлю сейчас – не получу ничего. Необходимо бороться до конца.

– Молодец, Нинка! Горжусь! – Сестра целует меня в щёку, обнимает. – Наконец-то ты прозрела, реально оценив своего мужа. А то всё «мы будем вместе до самой старости и умрём в один день». Тьфу быть такой наивной.

– Не наивной, Ян, влюблённой. Это разные вещи.

– Возможно, но, слепо следуя за своим Юрочкой, ты совсем забыла, кто ты. Растворилась в нём настолько, что, кажется, потеряла саму себя.

– Всё не совсем так...

– Так, Нин. Вот когда тебя спрашивали, как у тебя дела, ты что отвечала? – Задумываюсь на секунду, вспоминая, когда кто-то, кроме сестры и мамы, интересовался моей жизнью. – А ты говорила: Егорка здоров, у Юры всё хорошо, бизнес развивается, дом обставили... А человек-то спрашивает, как дела у *тебя*, понимаешь? Его ты интересуешь, а не твой волшебный муж. А тебе есть что ответить?

– Наверное, нет, – пожимаю плечами.

– Вот именно. Поэтому налаживай *свою* жизнь. А вот когда всё у тебя придёт в норму, поверь, и Егору будет хорошо.

Умом я понимаю и принимаю мнение сестры, вот только сердце ещё поскуливает от сожаления потерянных лет. Я любила человека, который уже давно этого не заслуживал и развлекался с другой женщиной.

– Так и сделаю. Только немного в себя приду, – стараюсь улыбнуться, но жалкая попытка сразу вызывает у сестры недовольное цоканье. – Устала ты от нас, да?

– Нет, конечно. Не говори ерунды. Как Саши не стало, мы с Мишкой вдвоём. Сейчас ему хоть компания есть – Егор. Дерутся, правда, не на жизнь, а на смерть, но это ничего – характер закаляется. Пусть учатся договариваться, – поднимается, чтобы сварить кофе, аромат которого разливается по кухне и приятно щекочет ноздри.

– И мне сварь, – пристраиваюсь к Янке.

– Обязательно, – берёт турку побольше, в расчёте на двоих. – Мама звонила, – начинает издали, хотя я и так знаю, что сестра скажет дальше. – Спрашивала, почему ты с внуком не хочешь жить с ней. У неё просторная трёшка, места всем хватит.

– Потому что я не готова к длинному разговору с ней. Как всегда: «я же говорила», «нужно было смотреть, за кого замуж выходишь», «Юра твой изначально не вызывал доверия». Я всё это уже слышала.

Слышала и хорошо помню, как именно мама просила подумать, когда Орехов сделал мне предложение. Но тогда, шесть лет назад, мне казалось, что я встретила настоящую и единственную любовь, которая перенесёт все ураганы и штормы, оставшись глубоким чувством. По сути, эта самая любовь не вынесла любвеобильности моего мужа.

– Не брать трубку как минимум некрасиво. Мама переживает. Позвони, поговори. Я предупредила её, что пока не стоит давить на больное и читать тебе нотации – сделает только хуже. Я и так месяц прыгаю вокруг тебя, стараясь вернуть к жизни. А ещё суд по имуществу, за который ты переживаешь не меньше. Радовался твой Орехов, что стал свободным?

– Ещё бы, – отхожу к окну, уставившись в одну точку. Ранняя весна не радуется противным дождиком и пронизывающим ветром. – Побежал к своей Ирке сообщить радостную весть. Так кричал, что хочет развода, аж стёкла звенели в зале суда.

– А ты не хотела подумать?

– Нам давали тридцать дней на раздумья, положенные по закону. Больше не имеет смысла. Ничего не изменится, так зачем тянуть?

Вспоминаю довольную рожу Орехова, вылетевшего из суда на крыльях любви. В машине его ждала Ира. Я видела её и раньше, когда муж утверждал, что Лесникова оказывает ему помощь в некоторых вопросах как юрист и их связывают исключительно рабочие отношения. Оказалось, что вместе они уже больше года и как только Юра выпроводил нас с Егором из дома, туда въехала Ира. Выбросила оставшиеся вещи, которые были мне дороги, и «вычистила» дом от свидетельства моего присутствия. Лидия Павловна, моя свекровь, как оказалось, была в курсе отношений сына на стороне и всячески ему потакала. «Юрочке нельзя ничего запрещать» – все шесть лет она, как мантру, повторяла одно и то же, молниеносно исполняя прихоти сына. Их отношения были настолько тесными, что звонила она по шесть-восемь раз в день узнать, что сынок кушал, пил, когда купался и куда ездил. Последним и, кажется, не главным вопросом была заинтересованность во внуке.

Егора она брала к себе редко. Прямо указывала – ребёнка вы родили для себя. Зато моя мама никогда не отказывалась посмотреть за ним, когда мы с Ореховым отлучались. А когда? Сейчас и вспомнить не могу, когда мы проводили время вдвоём. В компании общих друзей, таких же семейных, как и мы, с его мамой, у родственников, но только не вдвоём. Это потом он мне сказал, что чувств больше нет, всё остыло и семья ему не нужна. Попытки выяснить наличие любовницы успехом не увенчались, потому что он бил себя в грудь и клялся в верности, а развод требовал, потому что больше не хотел жить со мной. И вообще – мы разные. Эти два слова он повторял настолько часто, что через несколько месяцев я поверила. А ещё через время узнала, что у них с Лесниковой продолжительный роман.

А я-то всё копалась в себе, выискивая недостатки, которые можно исправить, подрихтовать, чтобы вновь стать ему интересной. Бессмысленно и глупо. Я только сейчас это понимаю.

– Нин?

– А? – откликаюсь, встречаясь с озадаченным взглядом сестры.

– Ты плачешь.

– Да? – смахиваю слёзы, улыбаясь. – Это предпоследние, обещаю.

– Хватит уже страдать по своему Юрочке. Козёл он. Был козлом и останется им. Если ты думаешь, что с этой Ирой он другим будет, спешу тебя разочаровать – нет.

– А вдруг? Вдруг будет внимательным, заботливым, чутким...

– Будет, – утвердительно кивает сестра, – до того самого момента, пока не остынет. А потом история повторится, только с Лесниковой. У таких мужчин всё происходит по накатанному сценарию. Изменения невозможны, потому что он сам остаётся прежним.

– Всё-то ты знаешь, – обнимаю Янку. – Умная ты у меня.

– Наверное. Кто знает, если бы Саша не разбился, остался жив, и мы провели больше времени вместе, возможно, и меня бы постигла такая участь, – пожимает плечами, а затем поднимается, чтобы разлить кофе по чашкам. – Его не стало на пике наших чувств, именно по этой причине вспоминается только хорошее. Именно поэтому до сих пор больно.

Ворвавшись со своими проблемами и переживаниями, совсем забыла, что только-только минул год со смерти Саши. Яна ревёт по ночам в подушку, уверенная, что я ничего не слышу.

– Ты бы нашла кого-нибудь, – предлагаю. – Просто для физического удовлетворения. Тебе всего двадцать пять.

– Я нашла. Пару раз встретились – не моё. Неинтересно, не цепляет, всё холодное. С Сашей было по-другому.

– Как с ним, никогда не будет больше. Ты же понимаешь?

– Да, – соглашается, но глаза выдают надежду на повторение утраченного счастья. – Я не хочу быть с мужчиной ради мужчины. Хочу, чтобы зацепило, ёкнуло, откликнулось где-то внутри. Пресловутых бабочек, в конце концов, которые там где-то порхать должны. На меньшее не согласна.

– Я тоже. Теперь на меньшее не согласна, – вторю ей эхом, понимая, что совсем не хочу ничего.

Достаточно разрушающих чувств, самопожертвований и ущемлений себя. Теперь всё будет иначе.

– Так, ладно, минутка жалости к самим себе закончена. Какие планы? – Янка, будто очнувшись, даже подпрыгивает, разгоняя навалившуюся тоску. – С работой?

– Через неделю Егору три, а значит, я возвращаюсь в компанию. Даже не терпится, если честно. Нужно было выходить, когда ребёнку исполнилось полтора, тогда бы я не оказалась в таком беспомощном состоянии, но Юра убедил меня посвятить больше времени сыну, утверждая, что маленьким он будет только один раз. Дура! – прыскаю в сердцах, который раз укоряя себя в доверчивости.

– Не дура, Нин. Ты была уверена, что живёшь за каменной стеной, а оказалось, что это всего лишь картонная ширма.

– Именно так, – запускаю пятерню в волосы, взъерошив их. – А в итоге меня выпроводили с ребёнком без гроша в кармане. И оказалась, что дом строила не я, вкладывалась не я и с фирмой помогала не я. Наверное, кирпичи нужно было класть наравне с рабочими, – хмыкаю, – тогда бы мои усилия были засчитаны.

– И раствор замешивать вручную. – Яна закатывает глаза. – Хотела бы я посмотреть на это зрелище, – тихонько хихикает, разбавляя обстановку. – Как-то интересно получается: дом строил для семьи, а собственник – мама.

– Не интересно – грамотно. Он ведь понимал, что рано или поздно мы разведёмся: или Лесникова развод от него потребует, или я узнаю. И предусмотрительно переписал имущество. Дом на маму, машины на фирму, включая мою, и Юрочка у нас – генеральный директор с зарплатой в пятьдесят тысяч при годовом обороте фирмы в пятьдесят миллионов. Просто чудно, – шепчу, вздыхая.

Снова и снова прокручиваю каждое слово, действие, отлучку, пытаюсь вспомнить, а когда наступило то самое начало конца?

– Ну ничего, – Яна успокаивает меня, поглаживая по плечу, – уверена, что суд разделит имущество по закону. Тогда ему придётся выбрать, и вряд ли он согласится иметь тебя в каче-

стве делового партнёра. Пусть откупается. Да и Ирка не позволит лишние контакты с бывшей женой.

– На это и надежда. – Надежд на самом деле много, вот только не всегда всё происходит так, как человек предполагает. – Ян, ты не думай, я всё тебе отдам, что занимала. До копеечки. Мне бы только на работу выйти, влиться, а там проще станет.

– Я и не думаю, – пожимает плечами. – Когда Саши не стало, вы с мамой мне помогли во всём. Теперь моя очередь.

– Да что я там помогала...

– Помогала, Нин, не спорь. А лучше деньги, что Орехов давал, откладывала бы на чёрный день, чтобы запас был.

– Никогда не думала, что этот самый чёрный день наступит, наверное, поэтому на моей карте пусто. Я ему доверяла.

– В следующий раз будешь умнее.

– В какой такой следующий? – удивлённо смотрю на сестру, не понимая сути сказанного.

– Обычный. Тебе двадцать восемь. Ты же не думаешь, что до конца дней проведёшь в одиночестве, страдая по Орехову.

– Не-е-ет, – отрицательно мотаю головой. – Просто в ближайшее время не хочу вступать в новые отношения. Мне бы старые переварить.

– А знаешь, – Янка садится напротив, хитро улыбаясь, – чтобы забыть старую любовь, нужно с головой окунуться в новую.

– Как Орехов?

– Ну нет, – сестра недовольно фыркает, – Орехов поступил, как подлец: создавал вид примерного семьянина, при этом имея стабильные отношения на стороне. Нужно найти неженатого, свободного, готового к отношениям мужчину.

– Где, интересно? Дать объявление? – смеюсь, представляя, как мы с Янкой устроились перед ноутбуком, отбирая кандидатов или, того хуже, рассылая моё резюме.

– Сам найдётся. Вот увидишь. Только в женатого не вляпайся, а?

– Тьфу на тебя, этого ещё не хватало!

– Я тоже такого же мнения.

Нашу беседу прерывает истошный визг, что означает – бой начался. Причина может быть разной: игрушка, которая понадобилась одновременно обоим мальчикам, или пульт от телевизора.

– Пойдём разнимать наших гладиаторов. – Янка закатывает глаза и, настроившись на разборки, бежит в детскую.

Глава 2

После развода прошло несколько дней. Орехов пропал, на связь не выходил и встреч с сыном не искал, вероятно, до сих пор праздновал воссоединение с Ирой. Да и зачем чужой женщине его ребёнок при условии, что своих у неё нет. С Егором нужно возиться, играть, кормить и следить, чтобы не вляпался куда не нужно. В последний год ребёнок был полностью на мне, а Юра лишь иногда делал вид, что заинтересован делами семьи. По факту же он просто жил, как ему удобно, иногда возвращаясь домой.

Через пять дней у сына день рождения, а значит, мне пора выходить из декретного отпуска. Сегодня пятница, а я всё не решаюсь позвонить своей начальнице и обговорить с ней важные вопросы. Тяжело возвращаться после трёхлетнего перерыва, к тому же сейчас не совсем удачный момент в жизни, и я больше похожа на разбитое корыто, которое нехило поматало в шторме, чем на отдохнувшего человека, готового с энтузиазмом приступить к выполнению своих обязанностей.

Миша и Егор в садике, Яна, обложившись бумагами, работает за компьютером, а я скитаюсь по квартире в поисках занятия. Разбираю вещи, открывая одну за одной коробки, и раскладываю в шкаф. Я немного набрала в весе за время декрета, не всё застёгивается, и появляется новая проблема – мне практически не в чем идти на работу. Строгий офисный стиль, которого придерживаются все в компании, требует определённых вещей, на которые сейчас денег у меня совсем нет. Первую зарплату я получу только через месяц, а до этого момента снова придётся занимать у сестры. Она молчит, принимая мою сложную ситуацию, но, в конце концов, ей и самой нужно на что-то жить, ещё и ребёнка обеспечивать.

Снова опускаются руки и просыпается жалость к самой себе. Кажется, это не просто чёрная полоса, которая со временем должна смениться белой, а бесконечная тёмная дорога без долгожданного выхода к свету. Из всех сил стараюсь быть оптимистом, у которого стакан наполовину полон, но получается наоборот.

Звонок телефона отрывает меня от очередной коробки, а когда на экране высвечивается «Уварова», меня пронимает нервная дрожь. Моя начальница, не дождавшись, решила позвонить сама.

– Здравствуйте, Светлана Владимировна, – начинаю с приветствия. – Хотела вам позвонить, но отвлеклась...

– Ага, отвлеклась и чуть не забыла, что тебе на работу в среду выходить, – прыскает в трубку, но по-доброму.

Главный экономист не отличается скромностью и сдержанностью, но такой уж у неё характер. Прямолинейная, часто жёсткая, но одновременно справедливая. Первое время мне с ней было тяжело, когда каждое высказывание примеряла на себя, но затем мне объяснили, что это привычное состояние Уваровой, не направленное на кого-то конкретного. Именно тогда я успокоилась, и между нами возникли вполне ровные отношения.

– Я помню.

– Только не говори, что решила уволиться.

– Нет, конечно. Я обязательно выйду.

К тому же сейчас работа меня спасёт во всех смыслах: поддержит в финансовом плане и поможет отвлечься от постоянного уныния.

– Так, слушай. Выходишь в понедельник, никакой среды. Я и так зашиваюсь.

– В отделе было четыре человека.

– Было. А стало два. Вершинина с мужем переехала в Питер три месяца назад. Артисевич упорхнула в декрет. Осталась Аня, но она новичок, много на неё не накинешь, да и медлительная, всё по десять раз проверяет, пересматривает. Не то что мы с тобой.

– Я ведь всего год до декрета отработала...

– И я сразу поняла, что ты схватываешь на лету. Нам вместе просто.

Проскакивающая похвала от начальницы греет внутри. Меня так давно не хвалили, что, кажется, я и забыла, как реагировать.

– Спасибо...

– Не спасибо, а на работу надо. Тем более, насколько я понимаю, теперь она тебе необходима. Или уедешь из Твери?

Новости о моём разводе быстро разнеслись. К тому же свекровь Уваровой живёт почти по соседству с нами, и сейчас соседи видят, что Орехов приезжает с другой женщиной.

– Не уеду. Не планировала. Все мои здесь, да и ехать некуда, собственно.

– Вот и ладно. Кстати, у нас новый босс, – торжественно объявляет Светлана Владимировна.

– А куда делся Авдеев? – даже оседаю на кровать, вспоминая противного, злого, вечно брызгающего слюной Игоря Олеговича.

– Ой, так удивилась-то, будто человек он был хороший, добрый, понимающий, – цокает.

– В кавычках, конечно. Всем офисом радовались, когда его сняли.

– А за что?

– Взял то, что не положено, у тех, у кого брать нельзя. Большого сказать не могу.

– Поняла.

Вероятно, Авдеев решил, что руководители компании много зарабатывают, и немного взял себе. Немного превратилось в значительно, на чём и погорел. Жадность до добра не доведёт.

– У тебя ребёнок в сад ходит?

– Да.

– Вот и отлично. Жду в понедельник к восьми.

– До встречи... – не успеваю закончить, как женщина скидывает звонок.

Она в своём репертуаре. Это просто я отвыкла от неё, да и от своих задач в целом. Но срок окончания декретного отпуска мне на руку. Я ещё не была в офисе, но уже хочу, чтобы выходные пролетели быстрее. Настолько засиделась дома, погрязнув в ребёнке и кухне, что сейчас для меня любой выход в люди сродни праздничному событию.

– Янка, – кричу, ещё не дойдя до комнаты сестры, – мне в понедельник уже на работу, – торжественно заявляю, остановившись в дверях.

И только потом внимательно смотрю на сестру, забыв, что она может консультировать клиента по телефону или по видеосвязи.

– Отлично! – Сестра вскакивает. – Ты рада?

– Очень. К тому же противный босс Авдеев, которого все не переваривали и старались избегать, ушёл. Точнее, его ушли.

– А за что?

– Не знаю, но вряд ли это было добровольным решением, – хмыкаю, показывая Янке, что когда-нибудь этот жук должен был понести наказание за издевательства над персоналом.

А издеваться он умел: то работаем до восьми вместо положенных до пяти, потому что он отчёт не успел сдать; то в Москву начальники отделов с документами за него едут за свой счёт; то в выходные работаем, потому что дедлайн по всем фронтам.

– На работу есть в чём пойти? Ты вроде говорила, что на размер поправилась и многие вещи малы.

– Есть, – махнув рукой, разворачиваюсь, чтобы прямо сейчас проверить это самое «есть».

После часа примерок у меня остаётся пара брюк, юбка, несколько рубашек и два костюма. Негусто, но на первое время хватит, а с полученной зарплаты можно будет докупить нужное.

– Да, скромно, – вздыхает Янка.

– Что есть.

– Помнится мне, ты была страшной модницей. Любила строгий стиль и туфли на высокой шпильке.

– И сейчас люблю, – вытаскиваю две коробки с великолепными лодочками синего и зелёного цветов. – Слава богу, хоть размер ноги не изменился. Успела забрать всю обувь из дома Орехова, свои вещи и Егора.

– Много твоего там осталось?

– Нет. По мелочи, но и этого очень жалко. Альбом Егорки не забрала, в который вкладывала все его фото с самого рождения – это ценное. Но Ирка выбросит. Для неё это важности не имеет, – пожимаю плечами, вновь хлюпая носом.

В доме Юры осталось множество вещей, которые мне были дороги. На сборы мне выделили три часа, и, растерявшись, в спешке о многом я просто не вспомнила, забирала самое основное.

– В очередной раз козёл. – Янка бьёт по кровати кулаком, поджимая пухлые губы.

– Ладно, – смахиваю слезинки, – всё уже сделано. Сейчас мне нужно строить свою жизнь заново, без надежды на его помощь. Представить, что я одна, совсем, и рассчитывать могу исключительно на себя.

– У тебя есть мы. – Сестра начинает спорить. – Мы всегда поможем.

– Я знаю, – присаживаюсь рядом и беру её ладонь в свою, мягко поглаживая. – Но я не могу постоянно скидывать на вас с мамой свои проблемы. Мне нужно учиться жить без чьей-либо поддержки.

– А я помогу, да?

– Конечно! К тому же вряд ли первые дни я смогу забирать Егора из садика, справишься?

– Ты ещё спрашиваешь? – фыркает. – Вместе с Мишей. Да даже если Мишка болеть будет, Егора отведу и приведу.

– Знаешь, – задумавшись, застываю, – мы у тебя месяц живём, и Егорка не болел ни разу. В доме Орехова с больничного не вылезали.

– Я тебе говорила, что аура там плохая, – тычет в меня пальцем. – А всё потому, что свекровь твоя кого только не приводила на смотрины: посмотрите, какой Юрочка дом построил; посмотрите, какие окна большие; посмотрите, какие двери поставил. Типа, он сам это, своими нежными ручками сделал.

– Да, меня этот момент раздражал, но слова же нельзя было сказать.

– Зато у меня никаких посторонних, смотрин и твоей свекрови. – Янка довольно улыбается. – Кстати, бывший босс уволен, в компании новый? – Ее серые глазки загораются.

– Насколько я поняла со слов Светланы Владимировны, да.

– А представляешь, там мужчина-красавец, которому ты сразу понравишься?

– Да брось, – кривлюсь, – может, не мужчина, может, не красавец. И вообще, сейчас я не готова к отношениям. Мне бы эти прожевать и проглотить.

– Глотай быстрее, а? – фыркает сестра и поднимается, чтобы потянуть меня на кухню.

– А то два года жевать будешь.

– Я стараюсь, – вспыхиваю, в который раз собираясь объяснить сестре, что невозможно за такое короткое время вырвать Юру из души и памяти.

Мы болтаем за готовкой ужина. Яна периодически отвлекается на своих клиентов. Бойкая блондинка с серыми глазами и подвешенным языком, она импонирует людям, привлекает их внимание. Скромничает, когда рассказывает об одном возможном мужчине, потому как ей часто оказывают знаки внимания даже на улице, в кафе, в торговом центре. Мужчины не стесняясь подходят знакомиться; она не грубит, но ясно даёт понять, что продолжать общение не намерена. После смерти мужа довольно быстро пришла в себя, но это благодаря лёгкому

характеру и Мишке, который требовал внимания. Возможно, не готова к новым отношениям, а возможно, просто ждёт того, на кого откликнется её сердце.

К пяти еду в сад и, забрав мальчишек, возвращаюсь, обязательно посещая магазин. Маленькие попрошайки готовы вынуть душу, лишь бы им перепало что-нибудь сладкое. Денег у меня по минимуму, но Егору всё же стараюсь покупать желаемое. Не каждый день, но ребёнку отказать не могу.

Как только мы входим в квартиру, малышня переодевается и бежит на кухню, где Яна уже накрыла ужин. Едят с удовольствием, соревнуясь в скорости поглощения еды. Я против запихивания без нормального пережёвывания, но Егор хотя бы ест, что уже радует. Обычно я почти ничего не могу в него затолкать или же заставить съесть по минимуму, но Мишка своими соперническими выходками подстёгивает и брата. Пусть лучше так. Мы ужинаем четвером, планируя наступающие выходные, когда звонит мой телефон.

А вот и наш папаша про нас вспомнил.

– Что надо? – приветствия он точно не заслужил.

– А ты почему со мной так разговариваешь? – вспыхивает Орехов.

– А мне нужно в ножки падать при звуках твоего голоса? – Янка показывает палец вверх, поддерживая. – Ты ещё в понедельник стал мне никем.

– Алё, детка, у нас общий ребёнок...

– О котором ты неделю не вспоминал, – заканчиваю фразу, слышу, как Юра пыхтит в трубку. Выхожу из кухни, чтобы дети не слышали нашей беседы. – Ещё раз спрашиваю – что надо?

– Хочу взять Егора на выходные.

– Да? А Егор хочет?

– Хочет. Уверен. Он соскучился по папе.

– Ну давай спросим, – возвращаюсь на кухню и включаю громкую связь, обращаясь к сыну: – Егорка, папа предлагает тебе провести с ним выходные, ты поедешь?

– Нет. Я хочу с Мишей играть в солдатиков. И завтра ты в парк пойти обещала, – отнекивается мой ребёнок.

– Егорка, сынок, – сладко поёт Орехов, – папа соскучился по тебе. А в парк вместе ходим – ты и я.

– Я хочу с мамой, тётёй Яной и Мишей.

Переключаюсь на обычный режим, снова выхожу из кухни.

– Слышал? Ему никто не подсказывал.

– Ты не даёшь мне ребёнка! – заводится. – Запрещаешь видеться! Я обращусь в опеку!

– И? Дальше?

– Они отберут у тебя Егора.

– С чего вдруг? – завожусь, начиная злиться.

Сжимаю и разжимаю пальцы, успокаивая себя, пытаюсь не сорваться на крик и оскорбления. Яна говорит, что мне нужно разговаривать с ним спокойно, без эмоций, не позволять провоцировать, разжигая пламя злости.

– Ты безработная! А алименты двенадцать тысяч!

– Алименты своему сыну платишь ты. Если ты оценил его потребности в такую сумму, это только на твоей совести. На работу выхожу через два дня. До декрета я имела вполне приличную зарплату в «Эвите», меньше она не станет, даже больше, – безбожно вру, потому как даже не поинтересовалась у Светланы Владимировны о получаемой сумме. – Ещё вопросы?

– У тебя жилья нет.

– Я прописана у мамы, Егор, соответственно, тоже. Квадратные метры предполагают размещение троих человек без стеснения и ограничений.

– Но живёшь ты у сестры!

– У неё не однушка, мы вполне хорошо себя здесь чувствуем вчетвером. А потом я куплю своё жильё.

– Ха-ха, на твои условия я не согласен! – фыркает. – Не жирно-то пять миллионов, милая?

– Не жирно, – повышаю голос, рвякая на Орехова. – Не согласен с моими условиями – поделим фирму пополам. По закону мне полагается половина от совместно нажитого имущества.

– Ты ничего в этой фирме не делала! – Истерика Юрочки нарастает, а голос сквозит звенящими нотками. – Это всё моё!

– А закон считает по-другому, увы, не учитывая твоих желаний, – бросаю равнодушно.

– И откуда ты знаешь? – верещит. – Мне уже сказали, что ты мужика нашла, следовательно прокуратуры какой-то. Он помогает? Рассказывает, как оставить ни с чем бывшего мужа?

От предположений Орехова я на минуту теряю дар речи, осмысливая сказанное. То есть вот как он считает: развелась и в койку к другому. А что мелочиться, время-то терять? Необходимо навёрстывать упущенное время, которое я прожила с безразличным мужем.

– У меня достаточно мозгов, чтобы открыть интернет и прочесть статьи. Для этого не требуется быть юристом. Всё понятно.

– И когда это ты такой самостоятельной стала? То в рот мне заглядывала, ожидая подачки, а то глаза от земли оторвала, поверив в себя.

А ведь всё верно он говорит – заглядывала в рот. Ждала, просила, угождала, шла навстречу, избегала ссор и скандалов, а мне в душу плюнули, нагадили, не позаботившись о моих чувствах.

– За каждой успешной женщиной стоит козёл, который помог ей стать самостоятельной, – выплёвываю, ядовито ухмыляясь.

– Сука!

– Не больше, чем ты.

– Ты ничего не получишь, овца тупая, слыши...

Скидываю звонок, блокирую номер Орехова. Не хочу выслушивать очередную порцию гадостей.

Теперь я понимаю, что значит выражение, которое сестра постоянно мне повторяет, – «будь проще». Это не о том, чтобы терпеть всякого рода унижения, оскорбления, безропотно принимая ненужную грязь; насиловать себя общением с неприятными людьми; засовывать собственное мнение глубоко и надолго, чтобы не дай бог не вызвать негатива у других. Это о другом – нужно быть проще в плане отношения к жизни и людям. Не переживать из-за пустяков, не принимать мимолётный негатив, ничего не доказывать посторонним людям. Всё, что важно: родные и близкие рядом, здоровы и живы. Не твоё – отвалится само собой, как засохшая грязь с ботинок.

Именно так теперь я и поступаю: всё ненужное, приносящее дискомфорт – мимо. К чёртовой матери семейство Ореховых с их желаниями, которые должны исполняться всеми и незамедлительно. Больше так не будет.

– О, ты даже не плачешь! – удивляется Янка, внимательно рассматривая моё лицо.

– Не стоит Юра моих слёз, – усаживаюсь за стол, продолжая ужин.

– Ну наконец-то, – сестра возносит руки к небу, – месяц наставлений не прошёл даром. Надеюсь, ты разговаривала правильно?

– Спокойно, сдержанно, по делу.

– Горжусь, – вскакивает, чмокая меня в щёку.

И я собой горжусь, потому что именно сегодня, впервые за несколько месяцев, смогла поговорить с Юрой десять минут, ни разу не заплавав. Это доказывает лишь одно: Орехов медленно, но верно уходит из моей жизни.

Глава 3

– Готова? – Янка заглядывает в мою комнату уже третий раз, подгоняет.

Я сменила три рубашки, брюки на юбку и всё равно недовольна своим отражением в зеркале. Кажется, слишком обтягивает, но сестра утверждает, что я выгляжу чудесно. Русые волосы собраны в аккуратный хвост, зелёные глаза слегка подчёркнуты тонкими стрелками, помада в сдержанных тонах – ничего вызывающего и кричащего. Замечаю едва уловимую паутинку морщинок во внешних уголках глаз, скорее всего, видимую лишь мне. В этом году мне двадцать девять, и первые признаки приближения четвёртого десятка налицо.

– Да. Времени переодеться больше нет.

Усаживаем мальчишек на заднее сиденье автомобиля сестры и выдвигаемся в город. Она подвозит меня в нужное место, высаживает перед четырёхэтажным серо-голубым зданием. Я уже и забыла, как выглядит место моей работы. Несколько успокаивающих наставлений, и оставшиеся в машине отправляются в детский сад. Я бы сейчас не отказалась оказаться там: хорошо кормят, есть дневной сон, и единственное, что от тебя требуется, хорошо себя вести и проситься на горшок.

На ватных ногах иду ко входу, почему-то опасаясь, что меня не пропустят. Ожидания оправдываются, и охранник требует пропуск, которого у меня нет. Делаю быстрый звонок Светлане Владимировне, и тут же двери офиса передо мной распахиваются.

Коридоры из кричащего красного переоплотились в приглушённый персиковый, не вызывая раздражения. Везде цветы, приятно пахнет, и офисные стеклянные двери сменились матовыми серыми. Раньше я себя здесь чувствовала словно в большом аквариуме, где каждый может видеть, чем ты занимаешься на рабочем месте, и кто к тебе пришёл. Это раздражало и нервировало, потому что каждый сомнительный жест мог породить волну слухов и догадок, как правило, не приводя ни к чему хорошему.

– Доброе утро, – втискиваюсь в приоткрытую дверь кабинета Уваровой. – Можно?

– Нужно. – Светлана Владимировна, кажется, невероятно воодушевлена моим появлением, а искренняя радость свойственна ей лишь в особых случаях. – Правда, Аня?

– Да. – Худенькая девушка в веснушках интенсивно кивает, улыбаясь.

– Так, сейчас в отдел кадров, бумажки там всякие, новые реквизиты и так далее. Сама знаешь. А потом введу тебя в курс работы с новым начальством.

– Может, не стоит в отдел кадров? Я фамилию менять буду, а соответственно, все документы.

– Надо. Сначала так, а потом уже меняй, что хочешь, – подталкивает в спину, практически выпроваживая меня из кабинета. – На четвёртый этаж, всё на прежних местах. Иди.

Поднимаюсь по лестнице, здороваясь с мимо проходящими сотрудниками, удивлённо кивающими мне в ответ. Меня никто не помнит, да и я пока не вижу знакомых лиц. Быстро решаю вопрос с девочками в отделе кадров, оповещая, что через пару недель поменяю документы. Как только у меня на руках будет решение суда, сразу же поставлю штамп о разводе и сменю фамилию на девичью. И пусть Егорка останется Ореховым, но я больше не хочу носить неприятную для меня фамилию и быть хотя бы через неё связанной с Юрой.

Возвращаюсь в просторный кабинет, как я поняла, теперь являющийся моим непосредственным местом работы на долгое время. И если раньше я не испытывала особой эйфории от нахождения с начальством в одном кабинете, то сейчас даже благодарна такому раскладу, надеясь на помощь Светланы Владимировны.

Всё помню и не помню одновременно. Так происходит, когда ты надолго выпал из процесса постоянного применения собственных навыков. Когда я предлагала мужу вести дела его фирмы как экономист, он ответил, что бухгалтера достаточно, а мне необходимо заниматься

ребёнком. Сейчас понимаю, что Юра не хотел, чтобы я хоть немного была в курсе дел, и сейчас, когда мы делим имущество, а точнее, эту самую фирму, я не могу сверить данные или что-либо с точностью утверждать. Где гарантия, что фирма не банкрот с большими долгами?

Открыв дверь, замираю, потому что в кабинете находится ещё один человек – женщина. Лет тридцать, невысокая миниатюрная брюнетка, ухоженная, красивая. Строгий серый костюм прекрасно подчёркивает точёную фигуру, делая акцент на бёдрах.

– Познакомьтесь, Нина Сергеевна, – представляет меня Уварова, – сегодня вышла из декретного отпуска на помощь нам с Аней.

Женщина, стоявшая до моего появления полубоком, поворачивается, протягивая мне ладонь.

– Алилова Полина Степановна. Последние полгода являюсь руководителем тверского филиала и надеюсь руководить им и дальше.

Фамилия режет слух, и я с опозданием понимаю, что передо мной жена одного из генеральных директоров. Интересно, что она здесь забыла? Неужели дела в компании настолько плохи, что генеральный прислал на место босса свою жену?

– Доброе утро.

– В экономическом отделе осталось два человека... это произошло по разным причинам, поэтому, надеюсь, вы быстро включитесь в работу. Светлана Владимировна практически всё тянет на себе.

Что ж, ценить труд сотрудников умеет, в отличие от Авдеева, для которого мы были постоянными лентяями и прогульщиками. Именно из-за этого премии у нас были сродни олимпиаде – раз в четыре года по заказу.

– Готова приступить к работе.

– Надеюсь, ваш ребёнок не болезненный? – Полина приподнимает бровь, ожидая моего ответа.

– Нет вроде, – перевожу взгляд на Уварову, которая кивает, намекая, что нужно соглашаться. – В любом случае, моя сестра работает дома и всегда может присмотреть за сыном.

– Это замечательно. – Кажется, Алилова радуется больше, чем я. – Мне бы хотелось, чтобы сотрудники трудились, а не проводили время на больничных, тем более с детьми. Дети создают множество проблем, которых бы не было, если бы не было их самих.

Зависаю, обдумывая смысл сказанного, а когда почти открываю рот, чтобы высказать свою точку зрения, меня перебивает Светлана Владимировна:

– Полина Степановна, вы не переживайте, я всё покажу Нине. Она быстро схватывает, так что можете считать, что она уже включилась в работу.

– Отлично, девочки, тогда работаем! – Наш босс, круто развернувшись на каблуках, уходит из кабинета.

– Светлана Владимировна, а что это было? – указываю в направлении двери. – Про детей не поняла...

– Прости, не успела предупредить. Алилова... эта... как его... – щёлкает пальцами в сторону Ани. – Ань, ну, как там? Слово модное?

– Чайлдфри, – подсказывает девушка.

– Вот! Она самая. В общем, человек, который сознательно отказывается от продолжения рода. Свою точку зрения она высказывает открыто и громко. Слава богу, сейчас уже реже. В первый месяц откровенно неприязненно смотрела на тех, кто брал больничный по уходу за ребёнком.

– Ладно, – сажусь за стол слева от начальницы, – это её точка зрения, но зачем навязывать её окружающим? Не хочешь детей? Никто не заставляет насильно рожать, но преобладающее большинство всё же другого мнения. И вообще, чем ей помешал мой ребёнок? – Внутри неприятно свербит.

Понимаю, что злость окутывает, хотя я не в том положении, чтобы высказывать свою точку зрения, потому что именно Алилова легко может лишить меня работы, в которой сейчас так нуждаюсь.

– Нин, мне как матери двоих детей тоже неприятно, – успокаивает меня начальница, – но на правах босса ей, увы, позволено говорить всё, что вздумается. В остальном она вполне адекватная и грамотная. Дело своё знает, в дебри не лезет, тупых распоряжений не выкатывает, рабочий день нормированный, премии имеются – небо и земля по сравнению с Авдеевым.

– Интересно, как её муж относится к этой позиции? Она ведь жена генерального, судя по фамилии?

– Да, Сергея Нигматулловича. Не знаю, как относится, – пожимает плечами женщина. – Женаты они лет восемь или вроде того. Вероятно, разделяет её мнение.

– Странно, – бурчу под нос.

– Что именно? – скидываю взгляд, опасаясь говорить. Я к Уваровой отношусь положительно, но неизвестно, насколько в тесных отношениях она с новым боссом. – Говори уже. Всё останется в этом кабинете.

– Он же нерусский? Так?

– Да, татарин.

– Тем более удивительно отсутствие детей. Насколько я знаю, продолжение рода обязательно в таких семьях. Именно для этого её и создают.

– Вероятно, семья не наследует, – разводит руками. – Этого мы никогда не узнаем.

– А второй генеральный? – вспоминаю, что компания поделена на две части.

– Красовский? – киваю. – Был женат.

– Развёлся? Ушёл к другой?

– Ты же не знаешь... – задумывается, потирая переносицу. – Ты уже в декрете тогда была... Да, точно! Его жена и маленькая дочка погибли в аварии.

– Ох, – только и хватает сил, чтобы выдохнуть. Даже боюсь представлять своё состояние, если с Егоркой что-то случится.

– Да. Это было неожиданно. Я по приказу Авдеева каждый месяц в главный офис с докладом ездила. Красовский всегда был с Алиловым, всё решали вместе, но после гибели семьи он на время отошёл от дел. Больше полугода мне не попадался, а потом всё в норму пришло. Только до всех этих событий болтуном был, рот не закрывался: с каждым пошутит, комплимент девушкам отвесит, всегда с улыбкой на лице, жизнерадостный. А потом стал сдержанным, задумчивым и взгляд, как у побитой собаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.